

ЖУРКИН

Николай Ильич

Сегодня я посетил в городе Курске квартиру Николая Ильича Журкина. Меня радушно встретили две женщины: вдова Николая Ильича, Ольга Ивановна, и ее сестра Мария Ивановна.

День был хмурый, неуютный. В квартире первого этажа, где живут Журкины, сумрачно. И кажется, будто на тебя давит неведомый груз. А может, это некая робость, ведь я впервые в жизни вступил в квартиру, где жил человек, который более десяти лет возглавлял власть в Курской области - был председателем облисполкома.

Но скромность давно не отремонтированной трехкомнатной квартиры, ее мебелировки и убранства, радужные хозяев сняли с меня напряжение - я стал "отходить".

Узнав, что я с дальней дороги, с тех краев, где родился, рос и учился Николай Ильич, женщины захлопотали, засуетились, готовя для дальнего путника чай. Я отказывался, отпирался, убеждал своих новых знакомых, что цель моего приезда - не гостевать, не чаевничать, мне необходимо узнать от них, близких Николаю Ильичу людей, про то, как он жил и работал.

- И зачем же это нужно? - полюбопытствовала Мария Ивановна.

- Дмитриевский сельскохозяйственный техникум готовится к 60-летию своего пребывания в городе Дмитриеве. А Н. И. Журкин - один из первых его выпускников в период пребывания Дмитриевского сельхозтехникума в нашем городе.

- Погода промозглая, до костей пробирает. Погрейтесь чайком, тогда и поговорим, - увещевала меня Ольга Ивановна.

- Да на Вас лица нет. Оно что гриб синюшный, да и сами Вы не из молодых, - поддерживала сестру Мария Ивановна. Сморчок, одним словом, - вставил я. Женщины улыбнулись.

- Сморчок не сморчок, а озябли Вы изрядно, - угощала меня Ольга Ивановна. - Не стесняйтесь нас. Коля был простой человек, и мы такие же. Пейте чай и кушайте.

На столе, помимо чая, появились конфеты, печенье и мелкие баранки, сушками у нас их называют. Все просто, скромно, по-домашнему. А тепло, между тем, потихоньку согревало меня. Не только тело, но и душу. Я оттаивал. И показались мне эти люди, которых я в жизни никогда не видел, давно знакомыми, близкими, нашинскими.

Отогрелся я, осмелел и стал чуть ли не повелевать: расскажите мне то, покажите это и все, все, что только можно. И хотя временем я не располагал, надо было успеть к автобусу, который очень рано уходит на Дмитриев, но корреспонденты народ такой: всегда пытаются объять необъятное.

Аккуратно убрав стол, хозяева из бархатных мешочков и сумочек высыпали на него ордена, медали, значки, принесли альбомы с многочисленными фотокарточками.

В первую очередь мое внимание было обращено на солидные фотоснимки, когда Николай Ильич был на вершине областной власти. Вот он идет в компании с Леонидом Ильичом Брежневым. "Два Ильича", - мелькнуло у меня в голове. В тот раз Л. И. Брежнев вместе со своей внучкой посетил родные края, где в юности учился, осваивал специальность землеустроителя в техникуме, который впоследствии был переведен в город Дмитриев. Идут рядом два выпускника нашего техникума, и у меня, бывшего директора этого учебного заведения, приятно на душе. С левой стороны от Брежнева шагает первый секретарь обкома партии Александр Федорович Гудков. Он не был учеником нашего техникума, но всегда интересовался им, и мы всегда благодарны ему за то, что он не позволил ретивым чиновникам из Главного управления Министерства РСФСР закрыть Дмитриевский сельхозтехникум. На другом таком же объемном снимке Н. И. Журкин сфотографирован с "отцом перестройки" Горбачевым М. и его неизменным путеводителем Раисой Максимовной.

Но мой взгляд недолго задерживается на этих снимках. Они, может, интересны сами по себе, может, имеют какое-то историческое значение. Но яв свое время посмотрелся вдоволь на наших вождей, навек они мне запомнились... Я хочу видеть Журкина в рабочей обстановке, когда он был близок к земле-матушке, жил и работал вместе с хлеборобами. Я спешу спуститься с верхней ступени его служебной лестницы пониже и подойти к его первым шагам, когда он взбирался вверх.

Вот снимки периода, когда он пять лет подряд возглавлял Суджанский район. И по тому, как его работа была оценена правительством, можно судить, что руководил он районом достойно. Орденом Трудового Красного Знамени наградило его государство. И эта награда стала у него второй. Такой же орден он получил за успешное руководство колхозом "Страна Советов" Обоянского района, где он затем возглавлял районное производственное управление сельского хозяйства.

Есть в его шкатулке и орден Дружбы Народов, и медаль "За трудовую доблесть". Но более всего из его наград мое внимание привлек значок "Отличник народного просвещения".

Хотя прошло с тех пор почти 45 лет, мне вспомнилось, как Журкину вручалась эта награда. Признаться, я был несколько удивлен: на широком форуме учителей награду получает председатель колхоза. Было это в 1962 году. В областном театре имени Пушкина, в том здании, в котором сейчас расположена филармония, проходил Первый областной съезд учителей. Как и все "первое", он был обстоятельно подготовлен, на нем широко была представлена наробразовская элита от Москвы до сельской школы. Разумеется, при общем руководстве областного партийного аппарата. Театр был полон.

Когда, согласно повестке съезда, перешли к вопросу о награждении, то в числе первых назвали Н. И. Журкина, председателя одного из колхозов Медвенского района. Был он молод, строен, широк в плечах, с командирской выправкой бравого военного. На сцену он поднялся уверенным шагом. Твердой походкой подошел к столу, где вручали награды. После того, как к его груди был прикреплен знак, Журкин крепко пожал руку награждавшему. Сделав поворот через левое плечо на сто восемьдесят градусов, он на какое-то мгновение замер в стойке "смирно". И в этот момент мне показалось, что из его уст сами, как клятва, вырвутся слова: "Служу Советскому Союзу!"

Но его взору предстал не армейский строй, а пестро одетый учительский корпус.

Меня заинтересовало, за какие заслуги был награжден Николай Ильич. В перерыве я встретил своего однокурсника по институту. Он работал в Медвенском районе учителем, по соседству с Тарасовкой, где Журкин председательствовал.

- Скажу откровенно, - поведал мне товарищ, - тарасовцам с председателем повезло. Хотя сомнений было много. Да и оно само собой понятно: Журкин - не местный житель, да и молод еще для председателя. К моменту его избрания ему только что исполнилось 26 лет. Однако он уже имел опыт руководства: заведовал орготделом районного комитета партии, отслужил положенный срок в армии, закончил там полковую школу, где ему присвоили звание старшего сержанта. Но, пожалуй, главным козырем у него было следующее: он выходец из колхозной деревни, ему понятны все ее нужды, заботы крестьян; за его плечами было прочное базовое образование - окончил Дмитриевский сельскохозяйственный техникум, а затем и Курский сельскохозяйственный институт, агрономический факультет. Придя в хозяйство, Николай Ильич в деталях изучил его состояние и вместе со специалистами наметил пути развития всех основных отраслей производства. В этих целях он прежде всего развернул строительство производственных помещений. Вместе с тем Журкин отлично знал, что главной составляющей любого производства является рабочая сила, в деревне это - колхозники. Вот почему он пристальное внимание уделял социальным вопросам. Одним из основных объектов колхозного строительства стала школа. Своевременно ее спроектировали, начали строительство и построили в намеченные сроки, без всяких проволочек...

Со знанием дела

Я всматриваюсь еще в одну из фотокарточек. На ней Николай Ильич похож скорее на строителя-прораба, а не на

председателя. Он прильнул к геодезическому аппарату и, по всему видно, со знанием дела.

- Где это он? Чем это занимается председатель? - спрашиваю у Ольги Ивановны.

- Проверяет, как сделали строители разбивку под школьное сооружение. В этом деле он знал не меньше сельских строителей. Конечно, он им доверял, но поступал по пословице: доверяй, но и проверяй. А то ведь бывает и такое: построят, а через два или четыре года здание покосилось и начинает разрушаться.

А вот на этом снимке я вижу его в гуще кукурузного поля. Вместе с агрономом они любуются богатым урожаем. Початки весомые, их много, и, видимо, они пойдут на фуражное зерно.

*На колхозных полях
1962-1963 гг.*

И наконец, когда я уже собрался уходить, мое внимание задержалось еще на одном фотоснимке. Показался он мне самым замечательным: стоит председатель среди необъятного хлебного поля, на руках его лежат туго налитые зерном колосья. Он бережно поглаживает их как что-то дорогое, бесценное. Взор его обращен вдаль, но видит он, наверное, не богатство, возвращенное руками колхозников, а жуткие картины из своего полуголодного и голодного детства. Вот почему не видно на его лице улыбки. Оно задумчиво...

Я начал свое повествование с верхней ступени, на которую поднялся Н. И. Журкин. Постепенно я спускался вниз. Таким образом, понятное дело, идти легко. Значительно труднее подниматься снизу вверх.

Вернувшись поездом из Курска, я зашел на автостанцию. Там можно минут тридцать подождать и на автобусе, идущем в Железнодорожск, доехать до центра города Дмитриева. На автостанции подходит ко мне мужчина. Кепка на голове, как у Жириновского, при нем два чемодана.

- Скажите, до Коробкино далеко? - спрашивает.

- Километров сорок.

- А как туда дорога?

- Хоть боком катись.

- Автобус будет?

- Уже последний отошел. Но вы не беспокойтесь. Присядьте рядом со мной на скамью.

Минут через пять-десять подрулит частное такси и за полчаса доставит вас в одно из самых отдаленных сел района.

- А вам приходилось бывать в Коробкино? - интересуется мой собеседник.

- Десятки раз, - задумался я и после длительной паузы тяжело вздохнул.

- Видно, трудности были в дороге, что так вздыхаете.

- Далекое прошлое придавило. А сейчас будто вырвался из-под него и невольно вздохнул с облегчением... Сейчас вы сядете в мягкое кресло, чемоданы поставите в багажник. Легковая машина вмиг вас домчит до места назначения.

- А у вас, видно, сложности были в дороге до этого "пункта", как вы сказали.

- Да, - согласился я, - путь мой был "нелегкий и непрост", - как поется в песне...

В марте 1947 года возвращался я домой с армейской службы. Уже отвоювал и после войны вдоволь с солдатской лямкой походил. Выехали мы из немецкого города Дрездена в товарных вагонах, привезли нас в Москву на Белорусский вокзал. Теперь мне предстояло возвращаться назад до Брянщины: из-под Севска я родом. И надо бы мне сойти на станции Комаричи. Туда хоть изредка, но приходил какой-никакой транспорт из нашего района. Но не стал я сходить в Ко-маричах, а поехал до Дмитриева. И было это не случайно, не нечистая сила меня туда занесла. Очень уж захотелось мне замкнуть

военную кривую. Ведь воевать-то я начал с немцами на территории Дмитриевского района.

15-го марта 1943 года, когда кавалерийский корпус генерала Крюкова сдал Севск, я, еще не призванный в армию, вместе с одной конноармейской частью прибыл в село Глубое...

Собеседник внимательно слушал меня.

- Кое-как перекаптался у незнакомой женщины в городе Дмитриеве и чуть свет был уже на станции. Здесь мне сказали: на Севск нет никаких путей-дорог: все запорошило, замело, забило. И посоветовали они мне, добрые люди, пойти до своей Кривцово кратчайшим путем - через Коробкино.

- А там и Гапоново рядом, село вашинского района, Севского.

Поправил я на спине рюкзак, подтянул ремень, застегнул все крючки на шинели и, не мешкая ни минуты, отправился в путь. Правда, перед дорогой выслушал совет - какими путями мне двигаться.

- Сейчас иди на Салотопку, потом пересечешь Гремовню, а за нею держись на Хинецкое, оно не видно из-за водораздела, но когда взойдешь наверх, оно тебе и представится. От Хинецкого до Мелового рукой подать, а там и Меркулов-ка поблизости. Из Меркуловки шагай в Осоцкое. За ним - вот тебе и Коробкино.

Все названия сел и деревень мне были совершенно незнакомы. Для моего уха во сто раз было привычнее слышать: Дрезден, Лейпциг, Радебойль, Майсен и пр.

"Эх, да найду я эту Коробкину, Раскоробкину, - решил я. - В войну не только села, но и маленькие хутора - фольварки - разыскивали-разведывали".

И пошел я, вспомнив при этом давно забытый призыв "Вперед на Запад!". И в самом деле путь мой лежал на запад. Снег по колено, а по оврагам - до пояса. Но разве это препятствие для бывалого солдата? Ему море по колено. К тому же идет-то он с войны. Сыт, с рюкзаком, набитым под завязку. И знает солдат, что не в звериные лапы фашистов попадет, а в теплые и крепкие объятия матери и всей оставшейся родни. Сейчас ему сам черт не страшен.

Повернув из Коробкино в сторону Гапоново, я встретил трех женщин и подростка лет четырнадцати. Они везли на санках дрова из лесу.

- Как пройти в Гапоново?

- Гапоново недалеко, вот тут, за лесом, дороги только туда нет.

- Солдатик, а ты что надумал-то? В Гапонову что ль итить?

- Да ишшо на ночь глядя?

- И не смей! И не думай!

- Войну провоевал, а теперь сюда умирать пришел? Затараторили наперебой женщины да с таким напором,

что даже поводки от санок в снег побросали.

- Знаешь, что там на днях было?

- Две женщины замерзли прямо возле села.

- Заблудились почти возле своих огородов.

- Да и у нас надысь вот тут, в Гремячем, мужика нашли мертвого.

- Пропал да пропал. Две недели искали, все попусту.

- А он, бедняга, хромой на одну ногу, вот тут в лесу и нашел себе могилу.

- Да ты открой свои зенки пошире, видишь, погода меняется.

В погоде и в самом деле предчувствовалось что-то неладное. А пока говорили, она на глазах менялась. Стало не ко времени темнеть, небо заволочло тучами, ветер порывисто погнал поземку, и сверху полепило. Лес шумит, листьев на деревьях нет, так он сломленными сучьями швыряется.

Пока вели разговор, паренек, шедший позади женщин, объехал их на своих санках, оставив после себя свежий глубокий след. Юноша был невысок, худощав, но сдвинутые черные брови и плотно сжатые пухлые губы говорили о настойчивости в его характере и даже упрямстве.

- Ну как, дойду? - спрашиваю я его.

- А куда на войне-то дошел?

- До Эльбы.

- Значит, и до Гапоновой доберешься. Она тут близко, сразу за лесом.

- Спасибо.

- Шагай, торопись, солдат. А баб не слухай. Они такого страху нагонят, хоть из хаты не выходи, - и он первым двинулся своей дорогой.

А я поторил свой путь на Гапоново.

Минут через сорок у наших знакомых (родом из Кривцово) я снял с себя тяжеленный рюкзак и сбросил с плеч шинель на сундук. Размял плечи и глубоко, но легко вздохнул: до дома-то оставалось всего километров восемь - мелочь дела...

Все время, пока я вел свой рассказ, мой сосед на скамейке молчал, а потом недоуменно спрашивает: "Что-то я вас, товарищ, не пойму толком. Добрались вы до этой самой Гапоновой благополучно. Знакомые рады, а вы больше всех. Но перед началом рассказа вы так тяжело вздохнули, извините, ну как корова в хлеву. И что ж выходит? Одно с другим не вяжется?"

- Это вам так кажется. Я-то по этой дороге пешком прошел всего один раз. А тот парнишка, что был с женщинами в лесу, звали его Коля Журкин, прошел, протопал, прочавкал грязью по этой дороге сотни раз.

И на плечах у него была не новая солдатская шинель с поддевкой-телогрейкой, а старое, не один год ношеное отцом полупальто, на котором столько заплат, что не за что хватать. А на ногах не новые яловые сапоги с двумя парами теплых портянок, а тоже отцовские обноски. Да и телом-то он был не ровня солдату. И по возрасту, и по физической силе они были людьми разных категорий.

Но шел Коля Журкин по два раза в неделю в Дмитриев и обратно ради того, чтобы учиться. В этом отношении он был схож с солдатом: никакие преграды не могли остановить его в достижении поставленной цели...

Корни у Николая Журкина крестьянские, хлебобобовые. Родился он в самом отдаленном уголке Дмитриевского района, в селе, что тесно граничит с Севским и Комарическим районами Брянской области.

Недалеко от села раскинулось Погодинское болотце. Из него голубым ручейком вытекает маленькая речушка Стенега. Путь ее протекает в сторону города Сенки и там в реку Сев. Стенега - река Колиного и, кстати, моего детства. Ее тихие воды омывают берега вдоль всей деревни Кривцово. В голодные годы своими пескарниками, плотичками, окуньками да раками она не давала нам умереть от истощения.

Рядом с Коробкино есть небольшой лесок Гремячее. грибочками, диким луком, баранчиками он тоже подкармливал пацанов. А если пойти в сторону Архиерейского лея и взять поправее на Марс или Юпитер, то лесных орехом и но набрать и добрых грибов.

Семья у Ильи Ильича и Анны Павловны Журкиных, когда они были молодыми колхозниками, прибавлялась через каждые два-три года. И все в жизни было бы нормально и всякие трудности преодолимы. Да нагрянула проклятая война. Вырвала из многодетной семьи главного кормильца - отца. И пришлось Анне Павловне с лихвой хлебнуть горяшка. Пятеро детей осталось у нее. Тут не то, что от горя заплачешь, волком взвоешь.

И все же теплилась у Нюши надежда, что не оставит Господь ее малых деток сиротами. Но однажды получила она похоронку - исчезла последняя надежда. Опустились ее натруженные ручки. Не прокормить ей пятерых детей. Они ведь еще совсем не оперились. Тане только пятнадцатый годок пошел, Коле - двенадцатый, Володе - десять исполнилось, Кате - восемь лет, а Грише - три. Он совсем понять не может, почему все плачут. А день-то ясный, когда солнечных зайчиков ладошкой накрывать на полу можно. Правда, Коли дома нет, за лошадкой ушел. Сказал: "Возьму тебя, покатаю". Хотя бы уж до колодца прокатил. Вот и Коля пришел. Он хоть и не плачет, но сердитый. Сопит себе под нос.

С колхозного поля, с бороны и плуга, с хомута и телеги начиналась первая ступень на трудовом пути Николая Ильича Журкина.

В 1948 году он, окончив Коробкинскую школу, поступил в Дмитриевский сельскохозяйственный техникум и успешно его закончил. Согласно направлению он прибыл в Медвенку и стал там районным мелиоратором. Так он взшел на вторую ступеньку.

Н. И. Журкин умер на 72-м году жизни. Прощание с Николаем Ильичем проходило в гарнизонном Доме офицеров. Чтобы отдать ему последний поклон, к гробу пришли не только представители областной власти, но и крестьяне из бывших колхозов им. Карла Маркса и «Страна Советов»